Чагинская Е. А.

СЛОВО В ДИАХРОНИИ НА ФОНЕ ДИГЛОССИИ, ИЛИ ЧТО ЗАПРЕЛЕСТЬ ЭТА "ПРЕЛЕСТЬ"!

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/97.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 230-237. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

на идейную глубину и другие признаки интеллектуальной комедии, произведения Гофмансталя и Шницлера не были по достоинству оценены в трагический XX век как весомый вклад в мировую драматургию. Игровое начало, определившее своеобразие венской народной комедии, зародившейся в национальном австрийском фольклоре, динамично развивалось в творчестве Гофмансталя и Шницлера и продолжает сохранять национальный австрийский культурный колорит у талантливых драматургов XX века Ф. Чокора, Э. фон Хорвата, Ф. Хохвельдера, Т. Бернхарда, П. Хандке, Э. Елинек и др.

Список использованной литературы

1. **Барт Р.** От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., 1994.
2. **Витгенштейн Л.** Лекции и разговоры об эстетике, психологии и религиозной вере // Современная западноевропейская и американская эстетика: Сборник переводов. - М., 2002.
3. **Исаев С.** Как всегда об авангарде: Антология французского театрального авангарда. - М., 1992.
4. **Кривко-Антипян Т. А.** Мир игры. - М., 1992.
5. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна. - СПб., 1998.
6. **Липовецкий М. Н.** Русский постмодернизм. - Екатеринбург, 1997.
7. **Маньковская Н.** Эстетика постмодернизма. - СПб., 2000.
8. **Пёше М.** Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. - М., 1999.
9. **Фуко М.** Археология знания. - К., 1996.
10. **Хёйзинга Й.** Homo ludens. В тени завтрашнего дня. - М., 1992.
11. **Die vollendete Vernunft**: Moderne versus Postmoderne. - Frankfurt a. Main, 1987.

СЛОВО В ДИАХРОНИИ НА ФОНЕ ДИГЛОССИИ, ИЛИ ЧТО ЗА *ПРЕЛЕСТЬ* ЭТА «ПРЕЛЕСТЬ»!

Чагинская Е. А.
Московский государственный лингвистический университет

Последнее десятилетие обогатило отечественную лингвистику появлением нового инструмента с большими эвристическими возможностями: вышла в свет серия ассоциативных словарей, по сути представляющих собой обработанный результат массового ассоциативного эксперимента, своего рода прогностического теста, в котором в качестве информантов выступили студенты разных специальностей. Молодым людям было предложено дать вербальную ассоциацию на слова-стимулы из словника, разработанного именитыми отечественными учёными и включающего в себя разнообразные глаголы и имена. Согласно замыслу авторов словаря, полученный материал, в частности, должен выявить набор ключевых для содержания языкового сознания понятий. «Этот набор, называемый ядром лексикона, или ядром языкового сознания, совершенно определённым и неповторимым образом характеризует национальное мировидение, национальную наивно-языковую картину мира» [Санчес Пуиг 2001: 16]. Нам показалось особенно интересным то, что в разделе «Нет ответа» явно преобладают слова, выражающие базовые для этических представлений человека понятия: *справедливость, стыд, обман, зло, добро, хорошо, плохо, ненавидеть, помогать, Бог, жизнь, счастье, свободный, надеяться, умный, жить, жизнь, смерть, слово, душа* и т.д. При этом количество респондентов-россиян, оставивших указанные вербальные стимулы без реакции, статистически значимо. Этот объективный показатель вполне подтверждает субъективные впечатления о наличии в обществе когнитивного конфликта, порождающего, в частности, смысловые барьеры - тогда, когда наши современники общаются на русском языке между собой, и тогда, когда они становятся свидетелями разного рода дискуссий в СМИ, и тогда, когда они обращаются к отечественной словесности.

Тревога за судьбу русского языка всегда была свойственна отечественным филологам, как и сознание ответственности за неё. В настоящей статье нам хотелось бы поделиться с коллегами некоторыми соображениями об одной из сугубо лингвистических причин возникновения когнитивного конфликта. Раскрытие всех механизмов, порождающих конфликт, в свою очередь укажет пути к его преодолению, и особенно это важно для преподавателей языковых дисциплин, ведь ещё Ф. И. Буслаев основывал свои не потерявшие актуальности принципы преподавания языка на представлении о том, что учить родному языку - значит формировать личность ученика.

Рамки статьи позволяют вести речь не о проблеме в целом, а лишь об одном её частном проявлении. Мы выбрали слово «прелесть»: и потому, что связанная с ним интрига не очевидна; и потому, что его рассмотрение в синхронии и диахронии может оказаться удобным и наглядным примером для рассмотрения механизмов возникновения когнитивного конфликта; и потому, что, как ни странно, оно поможет нам предложить ключ к пониманию причин, по которым именно те слова, которые приведены выше, оказались «безответными стимулами».

Русская культура диглоссна.

Нашей стране повезло, потому что такой вариант билингвизма как диглоссия очень редок. Едва ли кто-то когда-либо до середины XIX века всерьёз считал диглоссию в России неудачным жребием. В среде русских философов начала XX века, правда, высказывались несколько тенденциозные суждения, что «перевод Писания заслонил оригинал, устранил неизбежность знания греческого языка (в отличие от Западной Европы,

вынужденной знать латынь)» [Мечковская 1996: 77], но то не было возражением против диглоссии как таковой. Более того, в России мы имеем идеальный пример диглоссной ситуации. От билингвизма диглоссия отличается наличием двух характерных признаков: во-первых, это функциональное разграничение языков; во-вторых, это понимание обоих языков всеми членами общества.

Первый из этих двух признаков в российском феномене просматривается на протяжении всей истории государства. Церковнославянский, зазвучавший на Руси на заре государственности, всегда был именно сакральным языком: языком Писания и Предания, языком богослужебным, языком «душеполезного чтения». Научившись сначала читать по-церковнославянски, люди стали сами создавать сочинения на древнерусском языке, и на первых этапах развития национальной культуры, когда словесность, наука, право и т.д. не выходят за пределы ограды Церкви, Русь располагает двумя письменными (литературными) языками - церковнославянским и древнерусским [Филин 1954: 43]. Разграничение между «церковным» и «мирским» в письменной речи на этом этапе не антагонистично, и наличие альтернативы оказывается чрезвычайно плодотворным: в XI - XII веках Киевская Русь переживает «взрыв» в области культуры и, в частности, литературы [Турбин 2002: 5]. С течением времени литературный русский всё больше обращается к «миру» и после XVII века становится единственным языком художественной литературы. Церковнославянский же, будучи языком сотериологического культурного потока, продолжает выполнять сакральные функции вплоть до наших дней.

Второй из непременных признаков диглоссии в российской языковой ситуации также наличествует. Во-первых, церковнославянский язык с самого начала не был для крещаемых русичей и их потомков совсем чужим; для его понимания не требовалось специального длительного обучения, тем более что распад единого праславянского языка (VII - IX вв.) завершился по историческим меркам незадолго до крещения Руси. Во-вторых, церковнославянский, будучи языком Церкви соборной по своей сути, всегда служил объединению людей разной крови и разных сословий, всех призывая к общей молитве; в этом его отличие от латыни, всегда бывшей на пространстве Pax Romana сословной и цеховой прерогативой. В-третьих, тексты на церковнославянском языке с детства выучивались наизусть. Иов, первый русский патриарх, знал наизусть все священные книги. Но даже если мы не станем приводить в качестве аргумента исключительные примеры, мы должны будем принять, что «жить от Пасхи до Пасхи, от Причастия до Причастия, от одного воскресного дня до другого, от утренней молитвы до вечерней - вот чему учат нас литургические круги Православной Церкви» [Чаплин 2007: 3]. В этом хронотопе обычным делом было знание наизусть значительных объёмов богослужебных текстов и вовсе не редкостью - способность по памяти прочитать всю Псалтирь. Чтобы объяснить сегодняшним школьникам, какое значение для русской «языковой личности» имели церковнославянский язык и Писание на нём, автор книги о русской православной культуре ссылается на слова А. С. Пушкина: «Есть Книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которое не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов... Книга сия называется Евангелием» [Скоробогатько 2006: 15]. После отмены в 1918 году преподавания Закона Божия и церковнославянского языка казалось, что он навсегда теперь уйдёт в прошлое, станет анахронизмом, не будет никогда более востребован. Однако и века не прошло, как снова случился «взрыв»: никогда в истории нашей страны в течение одного десятилетия не издавалось столько текстов на церковнославянском, сколько их было издано на пороге XXI века. Они выходят в свет с комментариями, с параллельным переводом на русский язык, в гражданской орфографии, в качестве вставок в труды современных богословов, а то и в виде репринтов тех изданий, которые были адресованы читателям, получившим системные знания о церковнославянском языке. И тут оказывается, что он нам понятен, он - не чужой, хотя и требует некоторого усилия, ответного шага навстречу ему; но ведь смысл диглоссии в том и состоит, чтобы сакральный язык понуждал нас к особенному усилию, к работе ума, к росту, к *подвигу*. Оказывается также, что смысл некоторых высказываний, включающих слова из церковнославянского лексикона, вызывает в нас бурю эмоций, внутреннее сопротивление, недоумение, даже гнев: *блаженны нищие духом; блаженны плачущие; благо быть рабом Божиим; Бог равнодушен; гордость - мать всех пороков; прелесть губительна...* Как так? Неужели нищета, плач, рабство, смирение, отказ от всех прелестей жизни сделали из затерянных в лесах племён единый народ, который веками владел самой большой территорией? И сумел отстоять её в бесчисленных войнах? Создал великую культуру? За двести лет смог выстроить систему университетского образования, не уступающую почти тысячелетней европейской; за несколько десятков лет стал самым читающим; в космос открыл путь, в конце концов... Очевидно, интерпретация смысла слова зависит от парадигмы, в которой она ведётся; от того, в контексте какой культуры реализован тот или иной текст.

Русская культура дуальна.

Русская культура дуальна и поэтому диглоссна. Русская языковая личность «как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения разных социально-языковых категорий» [Караулов 2004: 28] самой судьбой помещена в пространство меж двух зеркал, каждое из которых отражает мысль изреченную по-своему, а оба вместе формируют уходящие в бесконечность коридоры, где бушуют энергии заряженных противоположным смыслом частиц - слов, принадлежащих разным языкам «одной крови». «Славено-русским» назвал наш язык А. С. Пушкин [Мечковская 1998: 267]. В любой книге о русском языке мы можем прочитать, что русский и церковнославянский так мощно влияли друг на друга, так тесно переплелись, что обычно мы не чувствуем диссонанса ни когда в ткань русской речи вплетаются церковнослав-

низмы, ни когда просто говорим: «спасибо» или «здравствуй». Порой думается, что два наших языка столь неразрывно, органично связаны друг с другом, что если умолкнет один, то вскоре неизбежно угаснет и другой. Если бы мы представили себе русскую «языковую личность» в антропоморфном образе, то скелетом был бы церковнославянский язык, а мягкой тканью - русский. Этот образ кажется тем более точным, что оба языка не только неразрывно связаны, но и оба живы. Русский доверчиво обращён к миру; быстро, а иногда стремительно меняется; отжившие его клеточки отмирают, рождаются новые; он уязвим, потому что именно он принимает на себя все удары, наносимые временем. Церковнославянский строг и основателен, как его имя; он тоже изменяется, хотя и очень неспешно, и тем отвечает на вызов своей внешней среды - русского языка, однако пожертвовать готов хоть фонетикой, хоть орфографией, хоть грамматикой и составом словаря, но только не семантикой. Он - хранилище чистых смыслов, поэтому его лексике чужды коннотации, а система денотативных значений большинства слов включает фиксированный набор компонентов содержания, ориентированный на когнитивную функцию.

Когда, повинуясь зову истории, а ещё в большей мере голосу человеческой натуры, русские начали развивать изящную словесность, науки, технологии, систему государственного управления и права и т.д., то есть начали строить здание своей национальной материальной и духовной культуры (>lat:cultura), они это «здание» строили поначалу под сенью культа (>lat: cultus), в ограде Церкви. Постепенно культура становилась всё более светской, мирской, и вот уже она преодолела ограду, но пока «то, что в середине (= в сердце)», ещё можно было рассмотреть с самых внешних кругов разрастающейся «периферии», культура находилась в сфере влияния культа и была православной. С течением времени самые «прогрессивные» слои культуры, разрастаясь (всё больше к Западу, к закату), потеряли из виду своё сердце. Так, в виде предельно схематичного образа, можно представить себе процесс формирования дуальной культуры (с той оговоркой, что обозначенные процессы происходят прежде в самом человеческом сознании, и лишь затем проявляются снаружи). В сердцевине дуального комплекса - культура сотериологического типа (< soteria, спасение), культура Православной Церкви. Наружу, к миру, обращена более или менее связанная с сердцевиной, а то уже и вовсе не связанная, культура эвдемонического типа (< eudaimonía, счастье). Первая - теоцентрична, вторая - антропоцентрична. Для первой - земля и всё созданное на ней конечны, временны, а человеку суждено преодолеть время и пребывать в вечности; для второй - с небольшими оговорками, всё наоборот. В этой перспективе, первая - обращает взоры человека внутрь, где и лежит поле битвы добра со злом; вторая - преимущественно вовне, туда, где события и обстоятельства жизни могут трактоваться как релевантные сами по себе. Первая - сосредоточена на духовном преображении человека; вторая - на преображении внешнего мира. Первая приносит плоды молитвенно-аскетического опыта; вторая - плоды ума, чувства, эмоций. Это сопоставление культур, каждая из которых понимается как единство материальной и духовной составляющих, можно было бы продолжать очень долго. Для нашей темы важно, что они обе присутствуют в русской «культурной диаде», всегда чреватой множеством непредсказуемых вариантов проявлений.

Спору нет, принять такой жребий и жить в среде дуальной культуры, заявляющей о себе на «славено-русском» языке, чрезвычайно трудно. Настолько трудно, что лучшие умы России соблазнялись идеей «прибиться к какому-то одному берегу»: западники звали приобщиться к культуре, опирающейся на простые бинарные оппозиции (правда / ложь; добродетель / грех; закон / беззаконие и т.д.); славянофилы - обновить народную душу возвратом к идеалам «Святой Руси». Автор фундаментального труда по православной русской литературе М. М. Дунаев приводит такое рассуждение: «Ныне появились и такие отрицатели русской литературы, кто в “избытке благочестия” пытаются порою отвергнуть самоё необходимость общения с русскими классиками. Один из подобных ревнителей заявил как-то автору данного исследования: “Зачем нам *ваш* Достоевский? У нас есть *наши* Святые Отцы!” Если вопрос поставлен, его необходимо осмыслить. Зачем нам мирская культура, когда наша цель духовное возрастание? Прежде всего: и Достоевский, и Святые Отцы - не “наши” и не “ваши”. Они принадлежат всем, кто захочет осмыслить их духовный опыт. И если нет желания, то никто и не навязывает. Но ведь никто же и не утверждает, что русскими писателями дóлжно заменить чтение святоотеческой литературы. Одно другому не препятствует, а помочь может несомненно». [Дунаев 2001: 16]. Вот и нам представляется, что дуальность русской диглоссной культуры - это настолько же бремя, насколько дар; уникальный дар нашему народу и каждому человеку; это дар, предполагающий умение воспользоваться единственной из оставшихся у человека свобод - свободой выбора.

<u>В церковнославянском языке *прелесть* есть усвоение лжи, принятой за истину.</u>

Чтобы какой-либо выбор состоялся, необходимо знание о предлагаемых опциях. В той ситуации, о которой повествует Книга Бытия на первых страницах, знание об опциях нашему прародителю было дано Творцом: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла (< t древа же, еже разумѣти д0брое и лукавое), не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрёшь» [Быт. 2: 16-17]. Змей, хитрейший (< мудрѣйшій) из всех тварей полевых, не утруждается объяснением всех последствий выбора (делайте это, а того не делайте, потому что...), он просто опровергает слова Бога и, апеллируя к разуму людей, соблазняет: «И сказал змей жене: нет, не умрёте; Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» [Быт. 3: 4-5]. Уже после того, как в её сознании завелась соблазнительная мысль, Ева подтверждает её чувственным восприятием и дальнейшим потоком мысли, за которыми следует и действие: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел» [Быт. 3: 6]. То, чем Ева в дальнейшем

попытается оправдать свои действия, Писание именует *обольщением* - «змей обольстил меня» или, в церковнославянском оригинале, *прельщением*, *прелестью* - змjй прельсти1 мz [Быт. 3: 13]. *Прелесть*, таким образом, это то слово, которое обозначает сразу всё, что случилось с Евой - последовательность помыслов, ощущений, действий. В терминах современной науки *прелесть* - это понятие, «мысль, отражающая в обобщённой форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений (...) В традиционном языкознании понятие рассматривается как связанное с одной определённой знаковой формой - общим именем» [ЛЭС 1990: 384].

Как понятие трактует *прелесть* епископ Игнатий (Брянчанинов) - современник и почти ровесник А. С. Пушкина, автор замечательных творений, составленных им на русском языке в традициях сотериологической культуры: «Прелесть есть повреждение естества человеческого ложью. Прелесть есть состояние всех человеков, без исключения, произведённое падением праотцев наших (...) Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть - признавать себя свободным от прелести». И далее - дефиниция: «Прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину» [Игнатий 1998: 4, 6], или, иными словами, «самообольщение, соединённое с бесовским обольщением» [Ibidem: 46]. Пребывая от природы в состоянии *прелести*, человек беспрестанно воспроизводит в своей жизни путь праотцев, повторяя один и тот же библейский архетипический сюжет. Объективно человек в таком состоянии творит зло, но субъективно это зло он принимает за путь к добру, удовольствию, радости, счастью и творческой самореализации. В состояние *прелести* человек впадает отчасти по собственной воле (произвольно), но отчасти и вынужденно (невольно): «произвольно, потому что в нас ещё есть остаток свободы в избрании добра и зла. Невольно: потому, что этот остаток свободы не действует как полная свобода; он действует под неотъемлемым влиянием повреждения грехом. Мы родимся такими; мы не можем не быть такими: и потому все мы, без всякого исключения, находимся в состоянии самообольщения и бесовской прелести» [Ibidem: 6].

Понятие *прелесть*, по епископу Игнатию, всегда подразумевает определённую последовательность событий и состояний: «прелесть действует первоначально на образ мыслей; будучи принята и извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладев сущностью человека, она разливается на всю деятельность его, отравляет самое тело, как неразрывно связанное Творцом с душою. Состояние прелести есть состояние погибели или вечной смерти» [Ibidem: 6]. *Прелесть,* таким образом, есть синоним слова *погибель* или *смерть.* Если мы рассмотрим *прелесть* как гипероним, то увидим, что это слово «царит» на семантическом поле, объединяющем такие понятия как: ложь, лесть (< льсть, ст.-слав. этимон *прелести*), самообольщение, лукавство (ср.: t древа же, еже разумёти д0брое и лукавое), мудрствовать и мудрование (ср.: змjй же бэ2 мудрёйшій всёхъ звэрей), гордость, самонадеянность, самомнение, мнение (= дмение), надменность, мнимый, высокоумие, мечтательность, мечтания.

«Мечтательность» и «мнение» епископ Игнатий называет видами *прелести*. Примером первой могут служить экстатические состояния молящихся, когда они «видят небесное сияние», «слышат ангельский хор», «обоняют неземное благоухание». Воображение создаёт столь реальную картину, что молящегося может постигнуть и второй вид *прелести*, и тогда ему мнится, что всё происходящее с ним производится действием Божественной благодати, что он пребывает в общении с Богом, что он близок к святости. «Обольщённых первым видом прелести гордость приводит в состояние явного умоисступления; в обольщённых вторым видом она, производя также умоповреждение, названное в Писании растлением ума (2 Тим. 3: 8), менее приметна, облекается в личину смирения, набожности, мудрости...» [Ibidem: 6]. Как симптомы, так и последствия *прелести* подробно описаны в святоотеческой литературе, типичны и потому узнаваемы. Епископ Игнатий приводит в пример диалог между неким чиновником, вследствие молитвенного «подвига» пришедшим в необычайно восторженное состояние, и опытным монахом-аскетом. «Чрез несколько времени чиновник прибыл в монастырь. При беседе его с монахом присутствовал и я. Чиновник начал тотчас рассказывать о своих видениях, - что он постоянно видит при молитве свет от икон, слышит благоухание, чувствует во рту необыкновенную сладость, и так далее. Монах, выслушав этот рассказ, спросил чиновника: “Не приходила ли вам мысль убить себя?” - “Как же! - отвечал чиновник. - Я уже был кинувшись в Фонтанку, да меня вытащили” (...) Монах начал уговаривать чиновника, чтоб он оставил употребляемый им способ молитвы, объясняя и неправильность способа и неправильность состояния, доставляемого способом. С ожесточением воспротивился чиновник совету. “Как отказаться мне от явной благодати!” - возражал он. Вслушиваясь в поведания чиновника о себе, я почувствовал к нему неизъяснимую жалость, и вместе представлялся он мне каким-то смешным. Например, он сделал монаху следующий вопрос: “Когда от обильной сладости умножится у меня во рту слюна, то она начинает капать на пол: не грешно ли это?” Точно: находящиеся в бесовской прелести возбуждают к себе сожаление, (...) представляют они собою и смешное зрелище: посмеянию предаются они лукавым духом, который привёл их в состояние уничижения, обольстив тщеславием и высокоумием. Ни плена своего, ни странности поведения прельщенные не понимают...» [Ibidem: 62-64].

В наши дни слово *прелесть* как понятие православного дискурса употребляется точно в тех же значениях, которые так подробно истолкованы епископом Игнатием, а до него - ранее жившими носителями Православного Предания. Например, рассуждая об особенностях современной монастырской жизни, наш современник, монах и тонкий писатель архимандрит Лазарь, использует рассмотренные нами понятия в следующих контекстах (*курсив наш*): «многие современные обители начинаются на пустом месте безо всякого духовного опыта, и весь запас начальных знаний и разумений - самый поверхностный и *мечтательный*»;

«опять же немалая трудность найти такого отца, опыт которого *непрелестен*»; «по выражению лица и по интонации голоса отцы (прежних времён - *прим. авт.*) умели примечать тончайшие оттенки внутреннего расположения молящегося и вовремя пресекать *порывы прелестные*»; «в самих себе не умеем отличить здоровое от лукавого и постоянно колеблемся между разного рода наслоениями *прелестного и мнимого*»; «ничего не могу, всё моё собственное - *ложь, обман, прелесть*!» [Лазарь 2005: 161, 163, 166, 172]. Необходимость для понимания приведённых текстов знания того содержания, которое православная культура вкладывает в понятие *прелесть*, не вызывает сомнений. Если бы мы цитировали богословские труды, можно было бы даже предположить у слова *прелесть* достоинства термина, но оба автора, о которых у нас речь, обращаются к широкой аудитории, стало быть, предполагают наличие у читателя либо предварительных знаний, либо желания его иметь. Кроме того, сфера употребления слова *прелесть* отнюдь не исчерпывается православным дискурсом. Так, современным школьникам на уроках истории рассказывают о письмах, которыми Лжедмитрий соблазнял народ и бояр, о грамотах которые Иван Болотников направлял войскам с целью привлечь их на свою сторону; вся эта корреспонденция вошла в историю под самым точным из возможных названий: «прелестные письма» и «прелестные грамоты».

В процессе своего становления и развития в качестве языка эвдемонического потока культуры русский язык всё более явственно отторгал значения, свойственные рассматриваемому слову в контексте сотериологического потока.

<u>В современном русском языке «прелесть» есть то, что красиво и желанно.</u>

Молчалин - Хлёстовой: «Ваш шпиц, прелестный шпиц»; Наталья Дмитриевна Горич - Чацкому: «Мой муж, прелестный муж». Среди «громких лобызаний», смеха, вздохов, шёпота героев пьесы А. С. Грибоедова то и дело объявляется «прелесть», вероятно, звучащая несколько вычурно и на иностранный манер. Ей тут самое место: она ещё хранит в речи светских персонажей какую-то долю исконных церковнославянских значений, слышных как коннотация (Молчалин и Горич не скрывают, а как раз подчёркивают любезную, игривую, маленькую лесть), но в качестве основного значения выступает уже другое, новое. Словари обычно не спешат фиксировать происходящие на глазах изменения в лексическом составе языка, поэтому и спустя более чем полвека после выхода в свет «Горя от ума» Словарь В. И. Даля отражает некий баланс между традиционными и новыми значениями:

1) то, что обольщает в высшей мере, обольщенье, обаянье;

2) морока, обман, соблазн, совращенье от злого духа;

3) *стар.* ковы, хитрость, коварство, лукавство, обман;

4) красота, краса, пригожество и миловидность, изящество; что пленяет и льстит чувствам или покоряет себе ум и волю. Примеры употребления слова в указанных четырёх значениях В. И. Даль приводит в последовательно: прелести светской жизни; не спасает черная риза от прелестей; и Михаилъ створивъ прелесть на Даниле и много би галичанъ; это прелесть, какая работа; не красавица, а прелесть; после такой прелести, как эта рыба, только пальчики облизать. [Даль 1994: 1026]. Очевидно, что слово «прелесть» в русском языке второй половины XIX века амбивалентно; но очевидно также, что негативные значения уже лишены признаков, которые позволили бы однозначно уравнять слово «прелесть» со словом «погибель», как это происходит в церковнославянском. Вероятно, слово постепенно, но быстро избавлялось от *не-эвдемоничного* семантического наследия.

В речи одного из самых жизнелюбивых персонажей нашей литературы, Наташи Ростовой, слово «прелесть» встречается очень часто - настолько часто, что становится её вербальной эмблемой. «Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть! Да проснись же, Соня, - сказала она почти со слезами в голосе. - Ведь эдакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало!» [Толстой 1956: 441]. «Ах, папа, ты как хорош, прелесть! - сказала Наташа, стоя посреди комнаты и расправляя складки дымки» [Ibidem: 475]. «- Как хорошо! Право, отлично, - сказал Николай с некоторым невольным пренебрежением, как будто ему совестно было признаться в том, что ему очень были приятны эти звуки. - Как отлично? - с упрёком сказала Наташа, чувствуя тон, которым сказал это брат. - Не отлично, а это прелесть что такое! - Ей так же как грибки, мёд и наливки дядюшки казались лучшими в мире, так и эта песня казалась ей в эту минуту верхом музыкальной прелести» [Ibidem: 532]. «Прелесть, прелесть, дядюшка! Ещё, ещё - закричала Наташа...» [Ibidem: 533]. «Что за прелесть этот дядюшка! - сказала Наташа, когда они выехали на большую дорогу» [Ibidem: 535]. О том, как слово «прелесть» (и «очарование» < чары) употребляется Наташей, рядом с Наташей или по поводу Наташи, можно было бы написать отдельное исследование; для нашей темы важно лишь то, что «прелесть» в устах Наташи - наивысшая похвала, имя самых высоких качеств.

Прошло ещё полвека, и структура значений слова «прелесть» обретает полную и освящённую авторитетом словарей монохромность:

1) очарование, обаяние, привлекательность - *прелесть детской улыбки; прелесть новизны; в суровости севера есть своя прелесть;*

2) приятные, пленящие впечатления, явления - *прелести сельской жизни;*

3) о ком-нибудь или о чём-нибудь прелестном, чарующем - *какая прелесть кругом; что за прелесть эта девчонка; прелесть ты моя;*

4) внешние черты женской красоты; женское тело - *(устар. и ирон.) женские прелести* [Ожегов 1992: 601]. Советский Энциклопедический словарь лаконично сообщает, что «прелесть» - то же, что «красота». Словарь синонимов определяет слову «прелесть» (в его различных синтаксических функциях) место в ряду

таких слов как «очарование», «привлекательность», «изумительно», «несравненно», «восхитительно», «блестяще», «блистательно», «волшебно», «упоительно», «чудно», «дивно», «роскошно», «как нельзя лучше», даже «божественно», «как бог», «благодать» и «рай» [Александрова 1969: 179, 407]. Так, по историческим меркам стремительно, произошел не просто семантический сдвиг в слове, а обращение слова в свою семантическую противоположность и его вхождение в лексикон эвдемонической культуры. Исходное понятие как бы опрокидывается в зеркало русского языка, и там, как это обычно и бывает с отражением, левое становится правым.

В серьёзной художественной литературе наших дней можно встретить красноречивые доказательства этого, полностью состоявшегося, превращения. «Знали ли Вы эту самую мать Иоанну прежде, в России? Она здесь живёт много лет, в монастыре на особом положении, потому что пишет иконы. Я в иконописи плохо понимаю, но в занятии этом есть большая прелесть - у неё столик или мольберт, не знаю, как называется, плошечки с тёртыми красками, всё такое привлекательное, притягательное, и одна икона почти закончена - Пётр на водах» [Улицкая 2007: 448]. Справедливости ради нужно заметить, что, если судить по тексту процитированного романа, функции слов *прелесть* - *прельстить*, какими они предстают в церковнославянском языке, в русском языке переходят к их однокоренным родственникам «обольщение» - «обольстить», а также частичному синониму слова *прелесть*: «соблазн» - «соблазнить». «Я прекрасно помню твои слова о том, что они были обольщены немецкой культурой, сделали ложный выбор и за это заплатили жизнью своей и своих детей». «В юные годы я был обольщён буддизмом, и буддийская свобода казалась мне высшим достижением. Я много практиковал и прошёл довольно далеко по этому пути - остановила меня пустота». «Я надеюсь, что моя работа не послужит никому соблазном, но лишь призывом к личной ответственности в делах жизни и веры» [Ibidem: 524, 598, 686]. Дуальная по своей сути, русская культура и в эвдемоническом потоке ищет способ заполнить лакуну, возникшую с исчезновением из мирского дискурса слова *прелесть* в том значении, которое когда-то было усвоено русским языком из церковнославянского.

Церковнославянское слово *прелесть* и русское слово «прелесть» - это разные слова; это семантические дублеты.

Итак, мы видим следующую ситуацию. Слово *прелесть* в контексте сотериологической культуры по сей день употребляется в значениях: 1) повреждение человеческой природы ложью; 2) усвоение человеком лжи, принятой им за истину; 3) путь к погибели. Слово «прелесть» в контексте эвдемонической культуры сегодня употребляется в значениях: 1) очарование, обаяние, привлекательность; 2) приятные впечатления, явления; 3) красота природы и человека; то, что вызывает восхищение в природе и человеке. То есть: слово семантически раздвоилось, обратилось двумя разными словами, и эти слова разведены по противоположным смысловым полюсам. Более того, значения этих слов получают реализацию только в контекстах соответствующих культурных потоков. Поэтому - *прелесть* и «прелесть» не могут рассматриваться как семантические варианты одного слова. Каждый из составляющих русскую культуру потоков не только оперирует своим лексиконом, но и диктует свои правила словоупотребления, сочетаемости: быть в *прелести* и «что за прелесть!» - это из разных потоков.

Какие ещё аргументы возможно привести в пользу того утверждения, что в данном случае мы имеем дело с двумя разными (автономными) словами? Во-первых, «прелесть» допускает широкую гамму коннотаций; *прелесть* - нет. Во-вторых, эти слова входят в разные синонимические ряды. Антонимы у них тоже разные: у «прелесть» - «ужас» и т.д., у *прелесть* - *истина*. У них разные гиперонимы: у «прелесть» - «красота», у *прелесть* - *погибель, смерть*. Если суммировать, эти слова входят в разные семантические поля. В-третьих, у слов *прелесть* и «прелесть» теперь уже разные внутренние формы. В-четвёртых, слово *прелесть*, как и большинство церковнославянских слов, обозначающих синтетические понятия, ориентировано преимущественно на когнитивную функцию; «прелесть» - преимущественно на коммуникативную.

Имеются и черты сходства. Во-первых, конечно, это этимологическое родство. Во-вторых, лексическое гнездо слова «прелесть» ещё не вполне сформировалось. «Прелестный» - полностью соответствует значениям доминанты, однако глагол «прельстить», например, сохраняет черты близости к значениям этимона. Пожалуй, список общих черт этим исчерпывается.

Очевидно, что *прелесть* и «прелесть» составляют семантическую пару. Название рассматриваемого феномена - семантические дублеты - установлено апофатически. Это не амбивалентные слова (типа «занять» - «занять» / «одолжить»; «hôte» - «гость / хозяин), поскольку они не связаны конверсивными отношениями. Это не омонимы, поскольку совпадение звучания не случайно. Это не этимологические дублеты, поскольку речь не идёт о словах, образованных в разное время от одного этимона и имеющих некоторые отличия внешних форм. Мы занимаем свободную нишу рядом с этим последним понятием: семантические дублеты. Итак, семантические дублеты - это слова, принадлежащие разным потокам дуальной культуры, разным языкам диглоссной пары и, соответственно, выражающие разные понятия; однако по внешней форме неотличимые друг от друга. Это близнецы-антиподы, тесно связанные друг с другом, но обращённые к разным мирам и пребывающие в напряжённом противостоянии. Это голос и эхо, у которого уже иной тембр, иная интонация.

Необходимость введения некоего термина для обозначения описываемого феномена сама по себе досадна, и причину этой досады излишне объяснять: непомерность экспансии метаязыка очевидна всем. Оправдание же мы видим в практических потребностях, с которыми сталкиваются как преподаватели языка, так и переводчики. Группа семантических дублетов немногочисленна, но её составляют слова, которые очень ча-

сто несут на себе основную смысловую нагрузку текста. Таковы - «*истина* || истина», «*свобода* || свобода», «*гордость* || гордость», «*раб* || раб», «*грех* || грех», «*смирение* || смирение», «*страсть* || страсть», «*равнодушие* || равнодушие», «*смирение* || смирение» и т.д. И надобно не только понимать, в каких случаях речь идёт о *свободе*, а в каких - о вседозволенности, но и научить подбирать верный русский эквивалент тем словам в иноязычных текстах, которые лишь на поверхностный взгляд имеют очевидное значение. Это - проблема, потому что семантические дублеты могут рождаться и существовать только в диглоссной среде.

К вопросу об интерпретации смысла текста, содержащего семантические дублеты.

Что происходит со словами дублетной пары в пространстве, которое доступно анализу - пространстве художественного произведения? Случается, что дублетная пара как бы схлопывается, значения обоих дублетов реализуются все и одновременно, что придаёт тексту особую и неожиданную экспрессивность. Вот, например, фрагмент сцены на Патриарших прудах, родившейся под пером М. А. Булгакова, к слову, сына профессора богословия. «- Вы - атеисты?! - Да, мы - атеисты, - улыбаясь, ответил Берлиоз, а Бездомный подумал, рассердившись: “Вот прицепился, заграничный гусь!” - Ох, какая прелесть! - вскричал удивительный иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора» [Булгаков 1988: 277]. Какова должна быть интонация реплики Воланда? Сколько тут смыслов? Ясно, что «режиссура» сцены должна исходить именно из сочетания, взаимодействия всех значений обоих дублетов.

Случается, что в тексте реализуется как будто только один из дублетов; таковы приведённые нами ранее фрагменты романа «Война и мир». Но: не правда ли, интересно, что слово «прелесть», так любимое Наташей, никогда, ни разу не употребляется княжной Марьей? Наташа же - пробуждает неведомые и неподвластные ей энергии, аккумулированные в слове и до поры застывшие в нём. В сюжете с Анатолем Курагиным именно эта «дочь Евы», получив изначально ложную информацию: 1) направляет мысль к «древу, приятному для глаз»; 2) делает умозаключение, что «древо» вожделенно, потому что обещает счастье здесь и сейчас; 3) отдаётся воображению, мечтам, повинуется им... и в итоге неизбежно оказывается на грешной земле. В дальнейшем сама Наташа погибелью назовёт тот путь, которым она прошла - вслед за праматерью Евой. Имплицируемый в данном тексте второй дублет пары невидимо и нежданно явил героине свой смысл, разложив перед нею давно написанный сценарий.

Для лингвиста «авторский замысел» не релевантен, мы имеем дело с текстом как материей, которая объективно дана. Мы знаем, однако, что сам Л. Н. Толстой переводил французское “charmant”, равно как и “délicieux”, словом «прелесть» и, по-видимому, в ходе создания романа имел в виду то, принятое в его обществе, значение слова, которое отразилось в зеркале русского языка. Церковнославянский дублет, *прелесть*, сам явился из тёмных глубин второго зеркала, когда «услышал» своё имя; он явился в полноте заключённых в нём смыслов и подчинил себе сюжет. Пример с Наташей Ростовой и её «прелестью» - не единичен в русской литературе. По А. Ф. Лосеву, имя - всегда энергема вещи, «некоторый лёгкий и невидимый, воздушный организм, наделённый магической силой что-то особенное значить, в какие-то особые глубины проникать и невидимо творить великие события» [Лосев 1993: 659]

Героиня романа Л. Улицкой, фрагменты которого мы также приводили ранее, Тереза, та самая, которая «прелестью» назвала увиденное ею в мастерской матушки Иоанны, со временем сама оказывается в *прелести*: ей мнится, что рождённый ею долгожданный сын и есть мессия, ожидаемый евреями. И это её *мнение* вызывает у окружающих людей примерно такую же реакцию, какую вызвал у епископа Игнатия (Брянчанинова) упомянутый им чиновник. Это ещё один пример того, как «эхо» слова, второй дублет пары, имплицитно реализует в тексте свои значения.

В заключение хотелось бы заметить, что приведённые в статье соображения, никак не претендуя на безусловность, могут оказаться посылом для дискуссии. Пути к преодолению когнитивного конфликта, на наш взгляд, пролегают через попытку ясно осознать и описать то особенное, что отличает нашу «русскую мысль», выражаемую в языке и через него, потому что особенное - особенно ценно. Диглоссия как отражение дуального характера культуры - едва ли не уникальное явление, тем более что она возникла, по историческим меркам, одновременно с рождением государства. Это дар и бремя; она создаёт интригу, которая наблюдателю извне может показаться хаосом, или, скажем, загадкой русской души; для нас же - это среда обитания мысли, способ мыслить и навык жить в напряжённом поле дуальной культуры, что непросто.

Список использованной литературы

1. **Александрова З. Е.** Словарь синонимов русского языка. - М.: «Советская энциклопедия», 1969.
2. **Булгаков М. А.** Белая гвардия. Мастер и Маргарита. - Минск, 1988.
3. **Даль Владимир.** Толковый словарь живого великорусского языка. - М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. - Репринт издания 1907 г. - Т. 3.
4. **Дунаев М. М.** Православие и русская литература. В 6-ти частях. - М.: Христианская литература, 2001. - Ч. 1-2.
5. **Игнатий (Брянчанинов), святитель.** О прелести. - СПб.: «Общество святителя Василия Великого», 1998.
6. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. - М.: Едиториал УРСС, 2004.
7. **Лазарь (Абашидзе), архимандрит.** Мучение любви. Келейные записки. – Саратов, 2005.
8. **Лосев А. Ф.** Бытие - имя - космос. - М., 1993.
9. **ЛЭС**: Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: «Советская энциклопедия», 1990.
10. **Мечковская Н. Б.** Социальная лингвистика. - М.: Аспект Пресс, 1996.
11. **Мечковская Н. Б.** Язык и религия. - М.: Агентство «ФАИР», 1998.
12. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. - М.: Азъ Ltd., 1992.

13. **Санчес Пуиг М., Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А.** Ассоциативные нормы испанского и русского языков. - Москва - Мадрид: «Азбуковник», 2001.
14. **Скоробогатько Н. В.** Русская православная культура. - М.: «Белый город», 2006.
15. **Толстой Л. Н.** Война и мир. - М.: Издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1956.
16. **Турбин Г. А.** Старославянский язык: Учебное пособие. - М.: Флинта, Наука, 2002.
17. **Улицкая Л.** Даниэль Штайн, переводчик: Роман. - М.: Эксмо, 2007.
18. **Филин Ф. П.** Происхождение и развитие русского языка. - Ленинград, 1954.
19. **Чаплин В., протоиерей.** Лоскутки. - М.: Фома-Центр, Издательство «Даръ», 2007

ПРИНЦИП КОММУНИКАТИВНОСТИ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Черепанова И. В.
Академия ФСБ

Обучение иностранной речи строится на принципе коммуникативности. Именно принцип коммуникативности обеспечивает языковую компетентность, которая включает в себя развитие речевых умений и навыков, формирование речевого и экстралингвистического поведения адекватного ситуации общения (языковые и фоновые знания служат развитию речевых умений и навыков). Учебные ситуации должны моделировать реальные коммуникативные ситуации общения, типичные для будущей профессиональной деятельности обучающихся. Речевые коммуникативные умения формируются в условиях решения сложных речемыслительных задач, где требуются рассуждения, аргументирование, доказательства [Верба 2000: 155]. Коммуникативность способствует воспитанию культуры речи и культуры поведения, чувства такта в общении с людьми, привитию правил нормативного поведения. Принцип коммуникативности служит также развитию профессиональных умений осуществлять общение, характеризующееся выразительностью и убедительностью ролевого поведения, исключающего психологическую неуверенность; развитию умения расположить к себе собеседника, правильно строить взаимоотношения с лицами, с которыми приходится вступать в речевой контакт.

Целью любого обучающегося, изучающего иностранный язык, является правильная и красивая речь. Культура речи предполагает использование средств и возможностей языка, соответствующих ситуации, содержанию и цели высказывания.

Чем богаче язык, тем больше возможности варьировать речевую структуру, обеспечивая оптимальные условия коммуникативного речевого воздействия.

Вопрос о действенности речевого высказывания напрямую связан с проблемой функциональных стилей и культурой речевого общения. В основе культуре речи лежит литературная норма. Литературная норма характеризуется такими важными признаками, как: обязательность использования для всех членов языкового коллектива определенных языковых единиц и закономерности их употребления носителями языка в процессе речевой коммуникации. Принимаются во внимание стили, каждый из которых представляет собой организованную структуру, достаточно устойчивую и соотнесённую с целями, задачами, ситуациями общения и личностью автора [Головин 1980: 20].

Понимание говорящим целесообразности, уместности выбранных слов, грамматических конструкций, интонации позволяет называть его речь образцовой, культурной.

Остановимся кратко на качествах культурной речи. Прежде всего, следует обратить внимание на правильность, точность, логичность, выразительность, понятность, содержательность речи. Если, например, говорящий выступает с сообщением (докладом), то речь должна характеризоваться еще и информативностью, последовательностью, доказательностью и оценочностью. Создание речевого высказывания на уровне текста - это «работа ума, интенсивность которой выражается в полноте передачи информации, эмоциональной окраске, воздейственности на участников процесса» [Мельник 2000: 14]. Речевые высказывания предполагают также использование обращения, экспрессивных пауз, риторических вопросов, что привлекает внимание собеседника, способствует личному восприятию речи и воздействию на речевого партнера.

Правильность речи следует рассматривать как уместное использование в конкретной ситуации того или иного стиля, при этом соответствие литературной норме является необходимым, но недостаточным условием общей правильности высказывания. Умение правильно строить высказывание соответственно условиям общения, называется чувством стиля, стилистической или коммуникативной компетентностью.

Точность предполагает строгое соответствие слов обозначенным понятиям, предметам или явлениям. Точность связана с лексическим уровнем языка.

Логичность зависит от композиции текста высказывания, от метода организации излагаемого содержания. Последовательность в развитии мысли и ее изложение, связанность всех предложений в единое целое речевое произведение - все это относится к требованиям логического оформления высказывания.

Стили языка обслуживают различного рода социальные ситуации, характеризующиеся определенной степенью официальности. Языковые варианты, обслуживающие эти ситуации, также имеют различную степень официальности. В общем плане все возможные ситуации можно подразделить на официальные и неофициальные. Владение говорящими книжным и разговорными стилями позволяет участвовать в коммуникации: как в официальных, так и в неофициальных ситуациях.